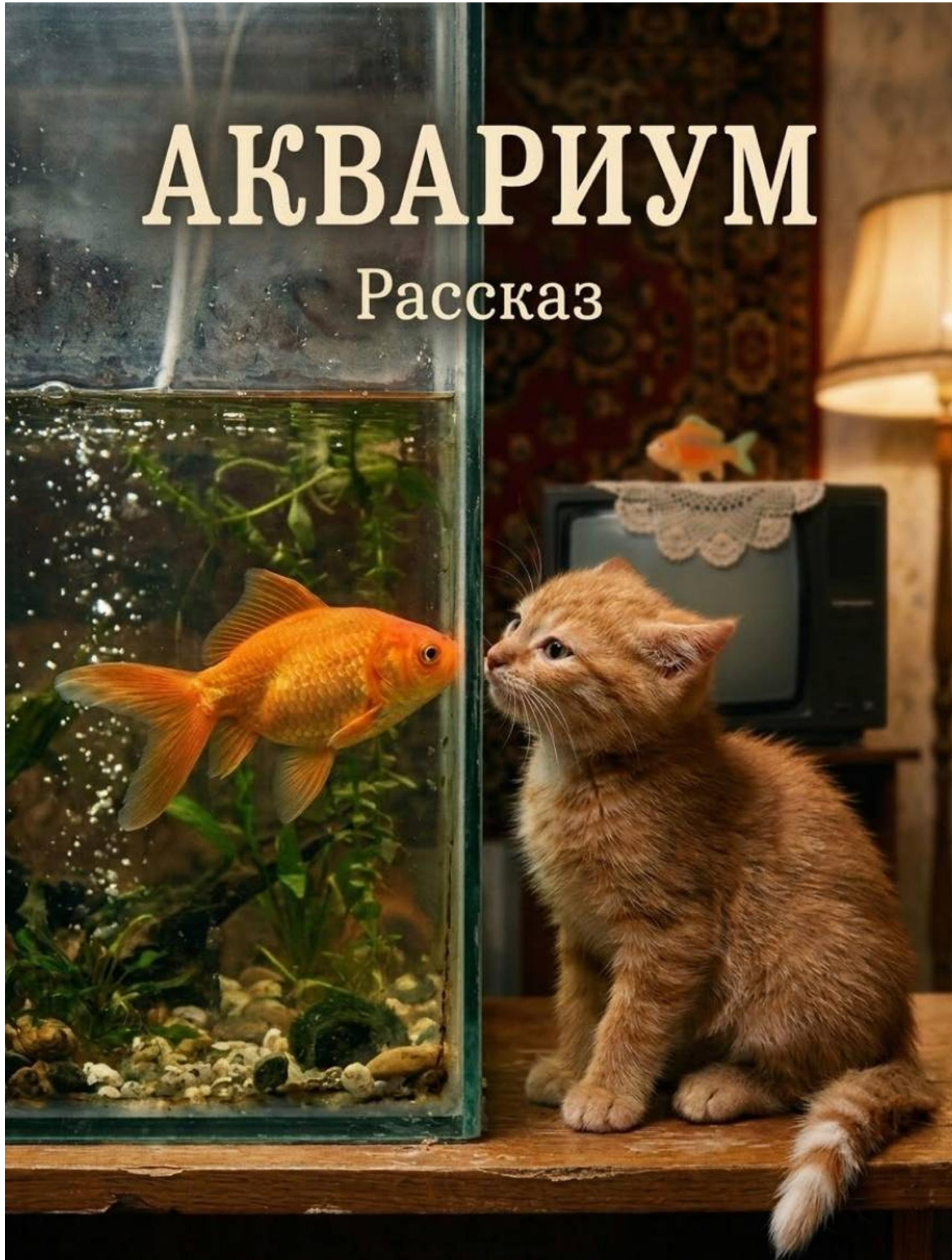


АКВАРИУМ

Рассказ



Александр Трофимов

Александр Трофимов

Аквариум

«Автор»

2026

Трофимов А.

Аквариум / А. Трофимов — «Автор», 2026

Лето, панельный дом, радио «Маяк» и аквариум с пластмассовым замком в гостях у тёти восьмилетняя Оля встречает самого необычного питомца в своей жизни. Золотая рыбка, подаренная на юбилей, оказывается совсем не такой, как в сказке Пушкина: она съедает соседей по аквариуму, выпрыгивает из воды от радости и умеет слушать. А когда в доме появляется рыжий котёнок Рыжик, между ним и рыбой завязывается странная, молчаливая дружба через стекло Трогательная и светлая история о детстве, одиночестве и о том, что любовь не зависит ни от вида, ни от размера и остаётся с нами на всю жизнь.

© Трофимов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Александр Трофимов

Аквариум

Глава

Рассказ

Наследство

Аквариум достался тётке Оле от её собственных детей, так, во всяком случае, она сама выражалась, и слово «достался» она всегда произносила с легкой иронией. На его дне величественно возвышался пластмассовый замок с бойницами: нелепый, яркий, неуместно торжественный. Замок этот когда-то купил Серёжка, старший тётин сын, на сэкономленные завтраки, а теперь Серёжа служил в армии, Иринка, ее младшая дочь, вышла замуж и уехала в Новосибирск, а вот замок остался. Вместе с аквариумом, петушком по кличке Петр, двумя скаляриями без кличек и улиткой, которую никто никогда не видел целиком, но все уважали.

- Ну хоть кто-то со мной разговаривать будет, - кивнула тётя Оля в сторону аквариума, когда дети в последний раз приезжали и, прощаясь, по очереди обняли её в тесном коридоре двухкомнатной квартиры, которую ее дети называли родовым гнездом. Гнездо это помещалось на четвертом этаже панельного дома, пахло старой бумагой, лаком для ногтей и капустой.

- Оленька, - говорила она мне, когда я приезжала к ней на каникулы, - ты посмотри, какая герань у меня нынче. Королевская. Цветет, как в оранжерее. Это потому что я с ней разговариваю.

Она разговаривала со всеми. С чайником, который фыркал на плите, радиоприемником, с фикусом. И, конечно, с рыбками.

Надо вам заметить, что тётя Оля являлась старшей сестрой моей мамы, и была моя тёзка. Это обстоятельство наполняло меня гордостью и некоторой даже ответственностью: я считала, что раз нас две Оли, то одна из нас должна быть большая и умная, а другая - я. Тётя была ростом ниже среднего, кругленькая, с седыми кудрями, которые она каждый четверг накручивала на папильотки из газеты «Труд», и с привычкой, разговаривая, подкладывать вам к чаю дефицитную, по тем временам, конфету «Мишки на Севере», даже если вы зашли к ней на минутку.

По утрам на кухне бодрствовало радио «Маяк». Диктор объявлял точное время, и тетя, шаркая тапочками с помпонами, шла на кухню ставить чайник. После кормила рыбок, а иногда, если «Маяк» передавал что-то особенно спокойное, напевала себе под нос.

«Маяк» стоял на подоконнике, между цветами и жестяной банкой из-под датских сардин, в которой жили чайные ложки. В нашей с тётей жизни радио значило больше, чем правительство. Правительство где-то в Москве что-то меняло, распускало, учреждало - талоны на сахар, потом на мыло, потом что-то ещё. Мне было восемь, и я не запоминала.

Тётя Оля варила гречку. Я, гостившая у неё уже вторую неделю лета, сидела на табуретке в ночной рубашке, рыжие косички торчали в разные стороны, и тётя говорила, что я похожа на цыплёнка, которого всполошили.

- Слушай, слушай, - говорила она, приподнимая палец как это делают священнослужители в церкви. - Сейчас про давление скажут.

И радио, убедительным голосом, говорило, что давление пониженное, а у нас на дворе светило солнце, и это несоответствие всегда искренне волновало тётю.

По воскресеньям в квартире совершалось главное событие недели: телевизор. «Горизонт». Экран его, выпуклый, как линза в кабинете физики, то и дело покрывался рябью, стояло мимо окон проехать трамвай. Стоял он на тумбе, покрытой вязаной салфеткой, на нем

кружевная салфетка поменьше, а на той пластмассовая рыба, которая должна была изображать карпа, а изображала скорее сапог. Антенна была комнатная, два телескопических уса, обмотанных фольгой от шоколадки. Настройка телевизора дело тонкое, почти ювелирное: тётя крутила ус антенны обеими руками, я командовала «стоп!», а «Горизонт» в ответ показывал то снег, то полосы и иногда, чудом, лицо диктора. В пять начиналась «В гостях у сказки», и тут антенна обязана была стоять как влитая. Пропустить тётю Валю, ту, телевизионную, которая для всей страны тётя Валя, было немыслимо. Мы сидели на диван, тётя придвигала вазочку с карамелью, начиналась сказка, уносящая меня далеко-далеко.

Но тётя и сама была сказочницей, каких поискать. Телевизионные сказки кончались, а её нет. Её сказки начинались всегда одинаково: «В некотором царстве, в нашем с тобой государстве...» Дальше происходило то, чего ни в одной книжке не написано. Иван-царевич ходил в продлёнку. Баба-яга брала путёвки в санаторий. Кощей, умирая, диктовал завещание на трёхкомнатную кооперативную квартиру. Я хохотала до колик, а тётя рассказывала с самым серьёзным лицом, изредка поправляя очки, и это было смешнее всего.

- А ты откуда это всё знаешь? - спрашивала я.

- От верблюда, - отвечала тётя Оля, не моргнув глазом, и наливая мне чаю, добавляла:

- Проживешь с мое, Олечка, сама узнаешь.

Аквариум стоял на железной подставке, у окна, но не очень близко к окну, потому что от солнца, по тётиной теории, вода цветёт. Вечерами, когда телевизор молчал, а за окном лаяли собаки и дребезжали проходящие трамваи, я подолгу сидела перед ним, смотря в него как в телевизор. Петра-петушок, красный, как будто облитый лаком, всплывал к самой поверхности, глядел на меня одним глазом и опускался обратно. Скалярии резали воду медленно, как ножницы, а из замка, из самой узкой бойницы, иногда высывался ус улитки, тем самым нопыная существовании своей владелицы.

- Оля, не дыши на стекло, - говорила тётя из кухни. - Они могут испугаться.

- А чего им пугаться?

- Как чего. Ты для них сверху, как вертолёт.

Я отодвигалась. Рыбы не пугались, конечно. Рыбы вообще, как я тогда считала, ничего не боятся и ничего не чувствуют, потому что они рыбы. В этом вопросе я разбиралась твёрдо, как разбираются во всем все восьмилетние люди.

II. Золотая рыбка

Юбилей справляли на швейной фабрике, где тетя Оля сводила дебет с кредитом. Я была принята на торжество в качестве родственницы и сидела за общим столом в единственном своём бархатном платье, из которого уже выросла и в котором поэтому стояла, как говорила тётя, колом. Сотрудницы, их было человек двенадцать, и все они почему-то пахли одинаково духами «Красная Москва», говорили речи. Каждая речь начиналась словами «наша Ольга Петровна» и кончалась тем, что тётя прикладывала к глазам платочек. Потом была ваза, сервиз на шесть персон и банка.

Банку внесла Нина Григорьевна из снабжения, дама решительная, в ситцевом платье с плечами, как у хоккеиста. Банка была трёхлитровая, закатанная полиэтиленовой крышкой, с водой. А в воде, переливаясь золотистым цветом, что-то сверкало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.